

DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.082
УДК 94(477.7)“17” + 94(560)“15/19” +
+ 94(470) + 316.734

Н. И. Храпунов
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ И ЕГО ЖИТЕЛИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Рец. на кн.: Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): Избранные труды / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов-на-Дону : Альтаир, 2020. 420 с.

Данная рецензия представляет собой размышления о новой книге известного историка казачества Д. В. Сенья, в которой собраны его статьи по истории Северного Причерноморья в новых исторических условиях, сложившихся в регионе в результате поражения Османской империи в войне со Священной лигой европейских государств, зафиксированного Карловицким и Константинопольским мирными договорами, и перехода политической инициативы в руки России. В фокусе внимания автора – различные индивидуальные и коллективные стратегии адаптации приграничного населения (крымских татар и степных ногайцев, различных казачьих групп, включая бежавших от российских властей на территорию, подконтрольную крымским ханам) к новым жизненным условиям. Адаптироваться приходилось и российским властям, которым нужно было научиться управлять сложным пограничным регионом в тесном контакте с османами, крымцами, жителями Северного Кавказа. Книга показывает мозаичную картину жизни региона, в котором взаимодействовали многочисленные группы и отдельные личности, имевшие разный образ жизни, разные интересы, цели и желания. Автором намечены перспективные пути для дальнейших исследований истории Северного Причерноморья в XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Северное Причерноморье; Крымское ханство; Россия; казачество; Османская империя; фронтир; фронтирные группы; межкультурное взаимодействие

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Ц и т и р о в а н и е: *Храпунов Н. И. Северопричерноморское пограничье и его жители на переломе эпох // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 326–333. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.082>. Рец. на кн.: Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): Избранные труды / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов-на-Дону : Альтаир, 2020. 420 с.*

Поступила в редакцию: 21.06.2021

Принята к печати: 12.10.2021

Nikita I. Khrapunov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

THE NORTHERN BLACK SEA FRONTIER AND ITS RESIDENTS AT THE TURN OF THE ERAS

Review of: Sen', D. V. (2020). *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'je: prostranstvo, iavlennia, liudi (konets XVII – XVIII v.): Izbrannye trudy* [Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Space, Phenomena, People (Late 17th – 18th Centuries). Selected Works]. Rostov-on-Don: Altair Publishers. 420 p.

This review presents some reflections on the new book by well-known Cossack historian Dmitrii V. Sen' which collects his articles and papers on Northern Black Sea history under new conditions developed when the Ottoman Empire lost the war with the Holy League of European powers, concluded the treaties of Karlowitz and Constantinople, and political initiative in the region passed into the hands of Russia. The author's attention is focused on various individual and collective strategies of adaptation to new life conditions among frontier populations (Crimean Tatars and the Nogais of the steppe, various groups of Cossacks, including those who escaped from the Russian authorities to the areas controlled by Crimean khans). The Russian authorities in the region also had to adapt themselves and learn how to control a complicated borderland country in close contact with the Ottomans, Crimeans, and residents of the North Caucasus. The book uncovers a complicated "mosaic-like" picture of the region where numerous groups and particular persons interacted, each having a specific way of life, interests, aims, and ambitions. The author outlines prospective ways of further research on the eighteenth-century history of the Northern Black Sea Area.

Key words: Northern Black Sea Area; Crimean Khanate; Russia; Cossacks; Ottoman Empire; frontier; frontier groups; intercultural relations

Acknowledgements

This article has been written within the framework of the project of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEG-2020-0029 "The Influence of the Byzantine Empire on the Historical Processes in the Medieval Crimea".

For citation: Khrapunov, N. I. (2021). Severoprichernomorskoe pogranič'je i ego zhiteli na perelome epokh [The Northern Black Sea Frontier and Its Residents at the Turn of the Eras]. *Review of: Sen', D. V. (2020). Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'je: prostranstvo, iavlennia, liudi (konets XVII – XVIII v.): Izbrannye trudy* [Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Space, Phenomena, People (Late 17th – 18th Centuries). Selected Works]. Rostov-on-Don: Altair Publishers. 420 p. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 326–333. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.082>

Submitted: 21.06.2021

Accepted: 12.10.2021

XVIII век стал новым этапом в истории Северного Причерноморья. Поражение Османской империи в войне со Священной лигой европейских государств, зафиксированное Карловицким (1699) и Константинопольским (1700) мирными договорами, привело к радикальному изменению ситуации в регионе. Теперь инициатива в международной политике принадлежала России, тогда как Османская империя и Крымское ханство перешли к стратегической обороне своих владений. Договоры предусматривали формирование стабильных границ на турецко-европейском пограничье, прекращение приграничных конфликтов, татарских и казацких набегов. Правители Крыма осознали уязвимость своей военной модели и необходимость модернизации армии, строительства пограничных укреплений, поиска новых внешнеполитических союзников, изменения идеологии, а также реформирования экономики, больше не имевшей возможности извлекать прежние прибыли из военной добычи. Произошла дезорганизация жизненного уклада местного пограничного населения. Крымским татарам и ногайцам, донским казакам и бежавшим от российских властей старообрядцам предстояло адаптироваться к новым реалиям. Но адаптация ждала и российские власти в Северном Приазовье, которым нужно было научиться управлять сложным пограничным регионом в тесном контакте с османами, крымцами, жителями Северного Кавказа.

Этим переменам в жизни пограничных, или, по нынешней терминологии, «фронтирных» сообществ, и посвящена рецензируемая книга. Ее жанр сам автор определил как «монографический сборник» (с. 17). Она представляет собой собранные под одной обложкой статьи, публиковавшиеся прежде в различных, порой редких малотиражных изданиях. Две статьи написаны в соавторстве — одна с П. А. Аваковым, другая с Н. И. Швайбой. Конечно, при таком подходе сложно было избежать повторов — например, вопрос о том, кто такие ахреяне, рассматривается и в первом, и во втором разделах книги (с. 36–50, 135–169), во втором разделе имеются две обзорные статьи об адаптации Крымского ханства к новым историческим условиям, почему-то разделенные целым блоком глав, рассматривающих иные вопросы (с. 121–134, 213–224), дважды анализируется «дело» казаков Петра Малого и Андрея Мазанова (с. 225–243, 256–263). В целом, такая структура книги более всего напоминает хорошо известные медиевистам и византинистам сборники статей из серии «*Variorium*».

В историографии распространен подход, который исходит из того, что Северному Причерноморью суждено было стать частью России. Вероятно, важную роль в этой концепции сыграло послезнание исследователей. Меняются лишь оценки присоединения региона к России — однозначно позитивные в отечественной «патриотической» традиции и однозначно негативные в украинском или крымскотатарском нарративе. Однако, как показали современные исследования, даже после того, как Крым стал независимым государством по условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774), существовали сценарии, альтернативные его поглощению северным соседом [Орешкова], не говоря уже про более ранние времена. Д. В. Сень относится к небольшому числу исследователей, которые

предпочитают анализировать подобные сценарии, а не исходить из презумпции детерминированности исторической судьбы региона. В рецензируемой книге он рассматривает сюжеты, не слишком популярные в историографии, увлеченной борьбой России с Крымом и османами, но связанные с пограничными сообществами: ногайцами, северокавказскими племенами и разными группами казаков — донских, кубанских, а также северокавказских, принявших крымское подданство. Исследователь анализирует жизнь населения пограничья, вынужденного приспособливаться к новым условиям, адаптируя свой традиционный жизненный уклад, причем в фокусе его внимания зачастую оказываются не представители политических элит, а рядовое население и трансформация его жизни в новых условиях. Такой подход, несомненно, способствует обогащению реконструируемой исторической реальности.

Книга включает три больших раздела. В первом анализируются последствия Азовских походов Петра I и разнонаправленные влияния новой ситуации в регионе на местных жителей, в том числе ногайцев Кубани — подданных крымского хана. Константинопольский мирный договор вызвал недовольство и ногайцев, и части крымской элиты, поскольку поставил под сомнение традиционное для них извлечение прибыли из «экономики набегов». В результате пришлось переходить к земледелию, или покидать традиционные места обитания, или же просить о принятии в российское подданство (с. 27–32). Представления о процессах в регионе усложняют собранные и проанализированные автором известия об ахреях — казаках-старообрядцах, вышедших из русского подданства и участвовавших в обороне Азова на стороне османов (с. 36–50). Показано, что после падения крепости жившие на Кубани ахреяне пытались договориться с ханом и переселиться в Крым, опасаясь дальнейшей экспансии России (с. 63–64). Свидетельством новой реальности стало появление в российском Азове группы переводчиков, которые были необходимы для обеспечения разведки, дипломатических контактов с властями османской Каффы и решения иных насущных дел. Интересно, что рекрутировали их не только из русских и казаков, но также из турок, калмыков и др. (с. 77–83). Необходимость делимитации границ, развитие приграничной торговли и конфликтов не только вели к росту документооборота в канцеляриях приграничных чиновников, но создавали прежде неизвестную ткань трансграничных коммуникаций между региональными администрациями трех государств — России, Крыма и Высокой Порты (с. 88–120). Иногда чиновники находили специфические решения филологических проблем, — например, один человек читал документ на старососманском языке вслух, а другой переводил его на русский со слуха (с. 99–100). К сожалению, остается неясным, как такого рода вопросы решались в Крыму.

Во втором разделе анализируется влияние на жизнь региона новых жестких межгосударственных границ, установленных договорами 1699–1700 гг. Показано, что усилившиеся противоречия между Бахчисараем и Константинополем побудили крымских ханов искать союзников против России в лице шведов и запорожцев. Успехи России оказались шоком и для кочевых ногайцев, и для

жителей Крыма, помимо всего прочего, резко сократив традиционные прибыли от военной добычи (с. 121–133, 213–224). Автор снова обращается к теме ахреян, ставших для русских «своими чужими» на мусульманских землях. Раскрыт образ ахреянина как Другого в российском бытовом сознании и официальных документах. Прослежена эволюция термина — от вероотступника до просто изменника, бежавшего под власть османов (с. 135–170). Информативен анализ изменений в работорговле: так, оказалось, что российский Азов стал центром обмена и выкупа рабов, причем работорговля была разнонаправленной. О ее роли в Крыму известно хорошо, но выясняется, что донские казаки регулярно захватывали мусульман и продавали их во внутрироссийские города. Подданные хана — казаки Кубани и Северного Кавказа — не брезговали захватом и торговлей христианами. Попытки России и османов договориться об обмене пленными болезненно воспринимались в Крыму и на Дону, где в этом видели угрозу своим «коммерческим» интересам (с. 170–186). Завоевав Азов, Россия «вбила клин» в степь, где кочевали ногайцы, разные группы которых начали переговоры о переходе в царское подданство; по мнению автора, это были не реальные намерения, а своеобразная уловка, попытка найти свое место в контексте сложных отношений с Россией и Крымом, для России же они были способом увеличить влияние на регион (с. 187–200). Важен сюжет о проницаемости северокавказской границы, которая оставалась областью нестабильности. Так, с появлением черноморских казаков на Кубани в регионе продолжались перманентные нарушения пограничного режима, переход групп и отдельных лиц через границу, захват скота, пленных и торговля рабами, причем важную роль в этих процессах играли как черкесы, так и антироссийские казачьи группы. Любопытно наблюдение автора о сотрудничестве российских властей и османского пашы Анапы, которые были заинтересованы в стабилизации и упорядочивании ситуации (с. 229–270).

Главный герой третьего раздела книги — представитель правящего в Крыму клана Бахты-Гирей (с. 286–416). Ему не удалось стать ханом, но судьба его демонстрирует особенности жизни и карьеры многочисленных членов правившего рода, их поиски своей роли в сложных, динамичных отношениях между собой и с османской верхушкой, в условиях недовольства в Крыму, вызванного стабилизацией русско-турецкой границы. Сильный лидер с несомненной авантюрной жилкой, Бахты-Гирей создал (полу)независимую орду (здесь мы в очередной раз сталкиваемся с неразвитостью терминологии, не позволяющей адекватно описывать подобные квазигосударственные организмы) на Кубани, вызывавшую естественные опасения не только в Бахчисарае, но и в Константинополе и Петербурге. Не занимая официальной должности (с точки зрения внешнего наблюдателя), он долгое время был лидером объединения, в которое входила значительная часть местных племен. Колоритной фигуре Бахты-Гирея, кажется, лучше всего подходит определение «человек с раннего времени» [ср.: Ильф, Петров, с. 208]. Несмотря на изменившиеся исторические условия, он жил по-старому, получая средства с приграничных набегов, проводимых без санкции верховной власти, и удерживал власть во многом благодаря неформальным

отношениям со степными калмыками и кавказскими адыгами через систему обмена дарами, брачных связей, различных услуг (включая набеги на врагов своих союзников или передачу информации о планах соперничающих сил). По мнению автора, Бахты-Гирей не претендовал на создание собственного государства (с. 352). Но как тогда определить сущность контролируемого им объединения в современных научных терминах? Остается пока без ответа и вопрос о том, где лежали пределы претензий Бахты-Гирея — собирался ли он претендовать на власть над всем Крымским ханством или же был готов довольствоваться северокавказским владением? Интересно и то, что самим своим существованием он провоцировал противника, Россию, на не вполне конвенциональные действия вплоть до политического убийства (что, впрочем, соответствовало также интересам Крыма и османов).

В заключение позволим себе несколько замечаний. Прежде всего, вызывают сомнения частые ссылки на монографии В. Е. Возгрина по истории крымских татар, которые автор оценивает как исторические исследования (с. 37, 126, 133, 218 и др.). Это не так: «монографические» сочинения Возгрина — это «национальная история» в худшем смысле слова, наполненная вымыслами, передергиваниями и искажениями фактов [см., например, рецензию на одну из книг: Герцен, Храпунов]. Их, очевидно, можно изучать как артефакты, показывающие, как и зачем создаются национальные нарративы, но к историческому исследованию в прямом смысле слова они имеют мало отношения. Не исключено, что при известных усилиях у Возгрина можно отыскать и элементы исторического анализа, не отягощенные национальной идеологией, но тут вполне применимы слова капитана Врунгеля, говаривавшего, что и сломанные часы дважды в сутки показывают точное время [Некрасов, с. 64].

В некоторых случаях, как представляется, имело бы смысл пояснить местные реалии, в которых трудно сориентироваться неспециалисту по конкретному региону. Так, на с. 326 сообщается, что в ноябре 1724 г. Бахты-Гирей пребывал «в Вохнищах», т. е. в местности на р. Салгир между Бахчисараем и Карасу-Базаром». Источник цитаты отыскивается в известной публикации Д. И. Эварницкого [Эварницкий, с. 1110]. Вряд ли стоит говорить, что историческая топография не знает такого топонима в Крыму. Очевидно, речь идет об имени нарицательном, которое Эварницкий или автор цитируемого им документа принял за собственное, близком совр. укр. *вогнище*, т. е. ‘костер, очаг’. Иначе говоря, Бахты-Гирей пребывал в ставке калги-султана, находившейся на месте нынешнего Симферополя, в окрестностях которой любила отдыхать крымская знать [см., например: Эвлия Челеби, с. 136–141].

Думается, что книга выиграла бы, если бы автор не ограничился объединением своих статей в единый текст, но выполнил бы редакторскую подготовку — переработал бы отдельные части во избежание повторов, добавил заключение, составил общий список литературы и указатели, а также, возможно, вынес бы предваряющие почти каждую статью / главу теоретико-методические рассуждения в единое введение. Аккуратная редактура могла бы убрать некоторые

бросающиеся в глаза стилистические огрехи. Так, хотя автор совершенно справедливо настаивает на том, что северопричерноморский регион следует изучать не с позиции Османской или Российской империй, но с точки зрения местных «фронтирных» групп, он регулярно говорит о «юге» и «южном пограничье». Это, конечно, взгляд из Москвы и Петербурга, ведь для Константинополя были бы уместны слова «север» или «северо-восток», а для местных жителей регион был просто центром их жизни и воображения. В рамках «монографического сборника» странно звучит периодически встречающееся наименование его частей «статьями».

В целом главное значение анализируемой книги, как представляется, в том, что в ней картина жизни фронтирного региона является не черно-белой, разделенной по линии российско-османского / крымского противостояния, как в национальных нарративах или российской «патриотической» историографии, но окрашена в разные цвета и полутона, она мозаична, демонстрируя приграничные группы и фигуры отдельных деятелей, каждую и каждого со своими интересами и жизненными стратегиями. В рассуждения об истории групп или государств органически вплетены истории отдельных лиц, игравших разные исторические роли, например, перебежчиков и переводчиков, клановых лидеров и христианских подданных хана. Книга намечает перспективные пути для дальнейших исследований того, как перемены рубежа XVII–XVIII вв. повлияли на Северное Причерноморье.

Источники

- Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. Первый полный вариант романа. М. : Вагриус, 2000.
- Некрасов А.* Приключения капитана Врунгеля. М. : Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. II. Владимир : Типо-лит. Губ. правления, 1908.
- Эвлия Челеби.* Книга путешествия : Крым и сопредельные области / пер. со староосм. Е. В. Бахревский. Симферополь : Доля, 2008.

Исследования

- Герцен А. Г., Храпунов И. Н.* Рец. на кн. : *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар // Российская археология. 1994. № 1. С. 219–225.
- Орешкова С. Ф.* Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 121–127.

References

- Gertsen, A. G., & Khrapunov, I. N. (1994). *Review of: Vozgrin, V. E. Istoricheskie sud'by krymskikh tatar* [Historical Fates of the Crimean Tatars]. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1, 219–225.
- Oreshkova, S. F. (2008). *Krymskoe khanstvo v 70-e gody XVIII v.* [The Crimean Khanate in the 1770s]. *Voprosy istorii*, 7, 121–127.

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Научно-
исследовательского центра истории
и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295004, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadsky Ave., 295007 Simferopol,
Republic of the Crimea, Russia
Email: khrapunovn@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>
ResearcherID: Q-8101-2017
Scopus AuthorID: 57201662517